

В.И.Кулаков

АРБАЛЕТОВИДНЫЕ ФИБУЛЫ, ОБНАРУЖЕННЫЕ ПРИ РАСКОПКАХ МОГИЛЬНИКА LAUTH / Б.ИСАКОВО (ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА Г. КАЛИНИНГРАДА) В 1998—2005 ГГ.

Впервые в отечественной науке рассматривается двух и трёхчастные фибулы, обнаруженные в ходе раскопок на одном из могильников римского времени на границе Barbaricum и Sarmatia. Проведённый в статье анализ фибул позволяет сделать следующие выводы: 1. Двучленные подвязные фибулы появляются сразу одновременно в виде трёх типов у населения округа могильника Lauth/Б. Исаково во второй четверти III в. н.э. Учитывая их связь с германскими древностями, следует связать их появление в изучаемом микрорегионе Самбии как результат присутствия групп вельбарского (шире — древнегерманского) населения в среде эстиев. 2. Характерные для материалов IV в., фибулы типа АЗ являются результатом творческой переработки германских образцов местными ювелирами. 3. V в. с самого своего начала был отмечен для комплексов могильника Lauth/Б. Исаково распространением восходящих к вельбарской традиции фибул с гусеницевидной ножкой, и их дериватов, именуемых в археологии фибулами типа Schönwarling. На завершающем этапе их использования, в третьей четверти V в. в комплексах могильника появляются фибулы со звёздчатой ножкой. 4. Разнообразие фибул позднеимского периода и эпохи Великого переселения народов, ставшее результатом взаимодействия на Янтарном берегу и на Самбии различных по этно-культурному происхождению групп населения, завершается в кон. V в. н.э., на начальной фазе формирования прусской археологической культуры. Единообразие фибульного материала должно манифестировать сложение в Янтарном крае монолитной этно-культурной общности.

Ключевые слова: Балтия, эпохи римского влияния и Великого переселения народов, эстии, пруссы, фибулы

Двучленным фибулам (группа VII по О.Альмгрену) с подвязным или же с литым иглоприёмником, в немецкой археологической литературе известным под именем die Armbrustfibeln (нем. «арбалетовидные фибулы») и распространённым в Barbaricum в I в. до н.э. — VI в. н.э., в отечественной литературе уделялось довольно мало места. Лишь классик советской археологии А.К. Амброз в своей монографии 1966 г. охарактеризовал и типологизировал эти фибулы, представив их в группах 16—18 [1].

Для фибульного материала эстиев юго-восточной Балтии в первой половине I тысячелетия н.э. характерны арбалетовидные фибулы с плоским (реже — с иным) сечением спинки. Довольно редкими находками в Янтарном крае являются застёжки с фасетированной ножкой. Они отнесены О.Альмгреном к типу AVIII,172/173, имеющему подвязную ножку, и к типу AVIII,178, имеющему литой иглоприёмник. А.К.Амброз свёл указанные фибулы с подвязной ножкой в варианты 2 и 3 серии подгруппы 2 группы 16 фибул с подогнутым иглоприёмником [1, с. 60, 61]. Такие фибулы, характерные для носителей германских древностей, были распространены в III в. н.э. от Ютланда до Поднепровья и не были популярны у балтов [2]. Подвязные арбалетовидные фибулы, найденные за последние пару столетий в ареале эстиев римского времени, были рассмотрены мною 14 лет тому назад [3]. При своей сравнительной многочисленности арбалетовидные фибулы могут сложить хорошей базой для создания хронологической шкалы древностей эстиев начала нашей эры. Начало создания такой шкалы является целью предлагаемой статьи.

Наиболее представительный фибульный материал получен в последние годы при раскопках, проводившихся Натангийским отрядом Балтийской экспедиции ИА РАН на грунтовой могильнике Lauth/Б. Исаково (восточная окраина г. Калининграда). Всего в послевоенное время раскопками на данном могильнике было вскрыто 262 погребения [4]. Примерно четвертая часть этих комплексов содержала в составе своего инвентаря арбалетовидные фибулы. Интересующие нас находки 108 определяемых фибул и их фрагментов из 66 погребальных комплексов сведены в

Каталог арбалетовидных фибул, обнаруженных при раскопках могильника Lauth/Б. Исаково в 1998—2005 гг.

Погр. L-10, урновая КРМ (здесь и далее трупосожжение). Инв(ентарь): фрагмент фибулы (если нет упоминания металла фибулы, то это значит, что она сделана из бронзы) типа AVII,163, обнаружен с сестерцием Адриана (117—138 гг.) и обожжёнными (?) бусинами. Дата — 250—300 гг. н.э. [5].

Погр. L-11А, урновая КРМ. Инв.: фибула типа AVII,167, обнаружена с парой перекладчатых «мазурских» фибул, железными бубенчиками, сосудами-приставками и проч. Дата — ок. 250 — ок. 300 гг. н.э. [5, s. 121].

Погр. L-11В, урновая КРМ. Инв.: фибула типа AVII,161, обнаружена с ведёрковидными подвесками и бусинами. Дата: ок. 250 — ок. 300 гг. н.э. [5, s. 121, 122].

Погр. L-11С, КРМ. Инв.: фибула типа AVII,163, обнаружена с ножом, янтарной бусиной и сосудами-приставками. Дата: ок. 250 — ок. 300 гг. н.э. [5, s. 122].

Погр. L-12, КРМ. Инв.: одночленная с верхней тетивой (что редко для находок в ареале эстиев) фибула типа AVII,158 [2, с. 57], две фибулы AVII,162 (с фасетированной ножкой), фибула типа AVII,163, обнаружена с двумя ножами, двумя глиняными пряслицами, железными бубенчиками, сосудами-приставками. Дата — вторая пол. IV в. [5, s. 122, 123].

Погр. L-14А, урновая КРМ. Инв.: железная фибула типа AVII,162 (с фасетированной ножкой), янтарная бусина, железный бубенчик. Дата — вторая пол. IV в. [5, s. 123].

Погр. L-14В, КРМ. Инв.: железная фибула типа AVII,162 (с фасетированной ножкой), пастовые бусины, боевой нож, сосуд-приставка. Дата — вторая пол. IV в. [5, s. 123].

Погр. L-15, КРМ. Инв.: фибула типа VII,170 (тип post-Durátón, тип K1), сосуд-приставка, обломок тордированной гривны, солид Фридриха Георга (1694 г.). Дата — кон. V—VI вв. [5, s. 123, 124].

Погр. L-16, урновая КРМ. Инв.: фибула типа AVII,171 (Raupenfibel), обломки двух арбалетовидных фибул, бронзовый кельт, железный бубенчик, глиняное пряслице, обломки сосуда-приставки и проч. Дата — кон. IV — нач. V вв. [5, s. 124]. М.М. Казанский фиксирует находки таких фибул в Галлии, связывая их с тем, что «... в составе мигрантов-визиготов находились и представители других народов — носители вельбаркской и западно-балтской культурных традиций, то есть гепиды и эстии» [6]. На запад Европы такие застёжки поступили в составе убора женщин [6, с. 203, 204] из ареалов вельбаркской или самбийско-натангийской культур.

Погр. L-17, КРМ. Инв.: обломки трёх фибул типа AVII,161, железные бубенчики, три сосуда-приставки, шило и проч. Дата — IV в. [5, s. 125].

Погр. L-20, КРМ. Инв.: фибула типа Bitner-Wroblewska 2 частичной серебряной плакировкой, обломки фибулы типа Durátón, возможно — нож. Дата — сер. V в. [5, s. 126].

Погр. L-21, урновая КРМ. Инв.: фибула типа AVII,161, фрагмент булавки типа Beckmann C, служившей для германского мужчины-воина, очевидно, заколкой для волосяного узла причёски — скуфта [7], сосуд-приставка и проч. Дата — III в. н.э. [5, s. 126, 127].

Погр. L-22, урновая КРМ. Инв.: фибула типа AVII,161, железная пряжка, янтарная бусина типа Basonia, наконечник копья, боевой нож типа Krummesser, тесло, напильник, скребница и проч. Дата — 250—300 гг. н.э. [5, s. 127].

Погр. L-23, урновая КРМ. Инв.: фибула типа A3, фибула-дериват типа AVII,218, железная пряжка, янтарная бусина типа Rauckenperle, наконечник копья, боевой нож типа Krummesser, пинцеты, шпора группы Ginalski G и проч. Дата — кон. IV в. [5, s. 127, 128].

Погр. L-25, КРМ. Инв.: пара дериватов фибул с луковичными навершиями, пряжка, наконечник копья, боевой нож типа Krummesser, два сосуда-приставки и проч. Дата — 380/400—440/450 гг. н.э. [5, s. 128].

Погр. L-26, урновая КРМ. Инв.: фибула типа AVII,167, железная фибула с двумя пружинами, железная булава с кольцевидным навершием, бритва, наконечник копья, боевой нож, тесло, умбон щита типа Chorula, рукоять щита, сосуд-приставка и проч. Дата — III в. н.э. [5, s. 128, 129].

Погр. L-27, КРМ. Инв.: фибула, имевшая фасетки только по краю ножки, является переходной формой между застёжками вар. Амброз 3 и фибулами типа Wiesbaden [2, с. 59], фибула, дериват типа Bitner-Wróblewska 2, нож-кинжал, янтарная бусина типа Basonia. Дата — первая пол. V в. н.э. [5, s. 129, 130]. «... Фибула, имевшая фасетки только по краю ножки, является переходной формой между застёжками вар. Амброз 3 и фибулами типа Wiesbaden, датируясь при этом 400—450 гг.» [2, с. 59] и являясь местным подражанием восточногерманским застёжкам.

Погр. L-28, урновая КРМ. Инв.: пара фрагментированных фибула типа AVII,168, наконечник копья, боевой нож типа Krummesser, умбон щита типа Malaesúy, втульчатый топор и проч. Дата — 275—325 гг. н.э. [5, s. 130].

Погр. L-29, урновая КРМ. Инв.: фибула типа A3, железная арбалетовидная фибула, наконечник копья, боевой нож типа Krummesser, две железные пряжки и проч. Дата — вторая пол. IV в. н.э. [5, s. 130].

Погр. L-30, урновая КРМ. Инв.: пара фибул типа AVII,161, янтарная бусина, сосуд-приставка. Дата — 270—330 гг. н.э. [5, s. 133, 134].

Погр. L-34, урновая КРМ. Инв.: фибула типа post-Durátón, янтарная бусина типа Basonia, нож. Дата — вторая пол. V в. н.э. [5, s. 135].

Погр. L-35, КРМ с конским скелетом. Инв.: фибула типа post-Durátón, янтарная бусина типа Basonia, фрагмент ножа-кинжала, наконечник копья, два сосуда-приставки и проч. Дата — вторая пол. V в. н.э. [5, s. 135].

Погр. L-37, урновая КРМ. Инв.: пара фибул (Ag и Cu) типа AVII,168, железный бубенчик, римская монета, нож, оселок, сосуд-приставка и проч. Дата — 200—275 гг. н.э. [5, s. 130, 131].

Погр. L-38, КРМ. Инв.: фибула типа Durátón, нож, сосуд-приставка. Дата — вторая треть V в. [5, s. 131].

Погр. L-40, урновая КРМ. Инв.: пара фибул типа AVII,167, однотипная фибула с двойной пружиной, два ножа, сестерций Антонина Пия (138—161 гг. н.э.), оковка питьевого рога, глиняное пряслице и проч. Дата — 200—275 гг. н.э. [5, s. 131, 132].

Погр. L-41, КРМ. Инв.: фибула типа post-Durátón, обломок равноплечной пластинчатой фибулы, фрагмент сосуда. Дата — вторая пол. V в. н.э. [5, s. 136].

Погр. L-42, КРМ. Инв.: фибула типа AVII,167, наконечник копья, бритва, пинцет и проч. Дата — кон. III — нач. IV вв. н.э. [5, s. 136].

Погр. L-43, КРМ. Инв.: фибула типа post-Durátón, нож и проч. Дата — вторая пол. V в. н.э. [5, s. 136, 137].

Погр. L-44, урновая КРМ. Инв.: пара фибул типа AIX,211, обломок арбалетовидной фибулы, железные бубенчики, пастовые бусины и проч. Дата — 225—250 гг. н.э. [5, s. 137].

Погр. L-46, КРМ. Инв.: фибула типа Bitner-Wróblewska 2, два наконечника копий, нож-кинжал, янтарная бусина типа Basonia, пинцет и проч. Дата — сер. V в. н.э. [5, s. 138].

Погр. L-48, КРМ с конём. Инв.: фибула-дериват подтипа Bitner-Wróblewska 3a, детали поясного набора, янтарная бусина типа Basonia и проч. Дата — первая пол. V в. н.э. [5, s. 139].

Погр. L-51, урновая КРМ. Инв.: пара фибул типа AVII,163, нож, пряжка, железные бубенчики, пастовые бусины, фрагмент булавки типа Beckmann C, два сосуда-приставки и проч. Дата — 250—275 гг. н.э. [5, s. 141].

Погр. L-52, КРМ с конём. Инв.: фибула типа post-Duraton, наконечник копья, нож-кинжал, янтарная бусина типа Basonia, сосуд-приставка и проч. Дата — вторая пол. V в. н.э. [5, s. 141]. Погр. L-53, урновая КРМ. Инв.: фибула типа AVII,167, фибула типа AVII,168, железные бубенчики, стеклянные бусины, нож, оковка рога (?), наконечник копья, нож-кинжал и проч. Дата — кон. III — нач. IV вв. н.э. [5, s. 142].

Погр. L-55, урновая КРМ. Инв.: пара фибул типа AVII,167, булавка типа Beckmann C, сестерций Антонина Пия, боевой нож, сосуд-приставка. Дата — кон. III — нач. IV вв. н.э. [5, s. 142].

Погр. L-56, КРМ. Инв.: пара фибул типа post-Duraton, пряжка, вотивная гривна. Дата — вторая пол. V — нач. VI вв. н.э. [5, s. 142, 143].

Погр. L-57, урновая КРМ. Инв.: пара фибул типа AVII,162, бронзовая бусина, янтарная бусина типа Pauckenperle. Дата — рубеж IV—V вв. н.э. [5, s. 143].

Погр. L-60, урновая КРМ. Инв.: фибула типа AVII,168, сестерций Марка Аврелия (?). Дата — 200—275 гг. н.э. [8].

Погр. L-61, КРМ. Инв.: две пары фибул типа post-Duraton, две вотивные гривны, три пряжки, глиняное пряслице и проч. Дата — вторая пол. V — нач. VI вв. н.э. [8].

Погр. L-152, КРМ. Инв.: фибула типа AVII,167, пружина фибулы, наконечник ангона, боевой нож, умбон и рукоять щита, фрагмент бронзовой секировидной подвески. Дата — кон. III — нач. IV вв. н.э. [9].

Погр. L-155, КРМ. Инв.: фибула типа AVII,167, арбалетовидная фибула, боевой нож, оселок и проч. Дата — кон. III — нач. IV вв. н.э. [9].

Погр. L-158, КРМ. Инв.: фибула типа Å3, фрагменты двух однотипных фибул, ведёрковидная подвеска, фрагмент гривны с 8-видным замком (тип Andersson AEG 376), пряжка, стеклянные бусины и проч. Дата — 325—75 гг. н.э. [10].

Погр. L-176, КРМ. Инв.: фибула типа AVII,161, янтарная бусина, наконечник копья, боевой нож, оселок, булава типа Beckmann C. Дата — 270-330 гг. н.э. [11].

Погр. L-178, КРМ. Инв.: фибула типа Schönwarling, янтарная бусина типа Pauckenperle, нож, шило, глиняное пряслице, сосуд-приставка. Дата — 400—450 гг. н.э. [11].

Погр. L-180, КРМ. Инв.: фрагмент фибулы типа AVII,167, фрагмент фибулы типа AVII,163, два фрагмента шила, фрагмент сосуда. Дата — кон. III — нач. IV вв. н.э. [11].

Погр. L-181, КРМ. Инв.: фрагмент фибулы типа AVII,167, фрагмент фибулы типа AVII,163, пряжка, шило, пастовые бусины, глиняное пряслице, сосуд-приставка. Дата — кон. III — нач. IV вв. н.э. [11].

Погр. L-182, КРМ. Инв.: пара фибул-дериватов типа Schönwarling, нож, янтарная бусина типа Basonia, сосуд-приставка. Дата — 400—450 гг. н.э. [11].

Погр. L-190, КРМ. Инв.: железная фибула типа AVII,161, обломки однотипной фибулы, глиняное пряслице, бусины янтарные и пастовые, железная пряжка, обломок сосуда-приставки и проч. [11]. Дата по фибулам — ок. 250 — ок. 300 гг. н.э.

Погр. L-192, урновая КРМ. Инв.: фибула типа Å3, пряжка. Дата — 325-375 гг. н.э. [11].

Погр. L-196, КРМ. Инв.: фрагмент фибулы типа AVII,167, фрагмент фибулы типа AVII,163, пряжка, наконечник ремня, пара пластинчатых браслетов [12]. Дата — кон. III — нач. IV вв. н.э. [11].

Погр. L-197, КРМ. Инв.: фрагмент фибулы типа Å3, фрагмент фибулы типа AVII,161, наконечник копья, нож типа Krummesser, две пряжки, бусина типа Pauckenperle [11]. Дата — 325—375 гг. н.э.

Погр. L-201, КРМ. Инв.: фибула-дериват типа Schönwarling, фибула типа AVII,161, нож, янтарная бусина, пряжка, сосуд-приставка [11]. Дата — 400—450 гг. н.э.

Погр. L-203, КРМ. Инв.: фибула-дериват типа AVII,171, две бусины, шило (?) [13]. Дата — 350—400 гг. н.э.

Погр. L-205, КРМ. Инв.: обломки пары фибул типа AVII,162, три стеклянные бусины, нож, глиняное пряслице [13]. Дата — вторая пол. IV в.

Погр. L-206, КРМ. Инв.: фибула типа Bitner-Wróblewska 2 частичной серебряной плакировкой, нож, янтарная бусина типа Basonia, сосуд-приставка [13]. Дата — Дата — сер. V в.

Погр. L-207b, КРМ. Инв.: пара фибул типа AVII,168, фибула типа AVII,161, провинциально-римская железная пряжка типа M-L D17, два ключа, два ножа, сосуд-приставка, пастовые бусины и проч. Дата — кон. IV — нач. V вв. н.э. [2].

Погр. L-208, КРМ. Инв.: пара фибул типа post-Duraton, две стеклянные бусины, два сосуда-приставки [13]. Дата — нач. VI в. н.э.

Погр. L-209, КРМ. Инв.: пара фибул типа Bitner-Wróblewska 2, дисковидная янтарная бусина, нож-кинжал, пряжка [13]. Дата - сер. V в.

Погр. L-228, КРМ. Инв.: железная фибула-дериват типа Schönwarling (?), наконечник копья, нож, сосуд-приставка [13]. Дата — сер. V в. н.э.

Погр. L-231, КРМ. Инв.: железная фибула-дериват типа Bitner-Wróblewska 2, две пряжки, янтарная бусина, два сосуда-приставки [14]. Дата — сер. V в. н.э.

Погр. L-236, КРМ. Инв.: фибула типа AVII,161, пряжка, янтарная биконическая бусина [14]. Дата — ок. 250 — ок. 300 гг. н.э.

Погр. L-238, КРМ. Инв.: пара железных фибул типа AVII,161, две пряжки, наконечник сулицы (?), нож, шило [14]. Дата — IV в. н.э.

Погр. L-239, КРМ. Инв.: пара фибул типа AVII,161, бусина и проч. [14]. Дата — IV в. н.э.

Погр. L-241, урновая КРМ. Инв.: пара перекладчатых фибул, пара фибул типа AVII,168, пряжка, наконечник ремня, пластинчатый перстень, глиняное пряслице и проч. [14]. Дата — III в. н.э.

Погр. L-243, КРМ. Инв.: пара фибул типа AVII,168, глиняное пряслице, сосуд-приставка. [14]. Дата — III в. н.э.

Погр. L-253, КРМ. Инв.: пара фибул типа post-Duraton, вотивная гривна, пряжка, глиняное пряслице, янтарные бусины, сосуд-приставка и проч. [14]. Дата — VI в. н.э.

Самым ранним для комплексов могильника Lauth/Б. Исаково является тип фибул AVII,163 (рис. 1), появляющийся в составе погребального инвентаря в первой четверти III в. н.э. и, очевидно, восходящий к вельбарским древностям [15]. К этому времени провинциально-римские фибулы в обиходе жителей Самбии сменяются фибулами с подвязной ножкой [16]. Третья «кнопка», венчающая ножку фибул типа AVII,163, является не только конструктивной [15] деталью, но и обладает дизайнерским смыслом. Своей конструкцией из трёх «кнопок» фибула типа AVII,163 равномерно распределяет складки туники на плечах её хозяйки, выполняя эстетическую функцию [7, с. 36]. Симптоматично то, что основная часть массива фибул с тремя «кнопками» встречается в комплексах попарно, что указывает на их применение в женском уборе в качестве симметричных креплений краёв туники. Большая часть небольшого (11 шт.) массива этих находок отличается хорошей сохранностью. Это — результат использования их мастерами бронзовых стержней пружины, что не давало (как в случае с железными стержнями) мощного коррозионного эффекта. Кроме того, фибулы явно избегли огня погребального костра. Л-12 фибулы типа AVII,163 (одна из них, кажется, имеет фасетированную ножку) встречаются с вполне архаичной одночленной фибулой AVII,158. Это ещё раз подтверждает раннюю датировку фибул типа AVII,163 на могильнике Lauth/Б. Исаково.

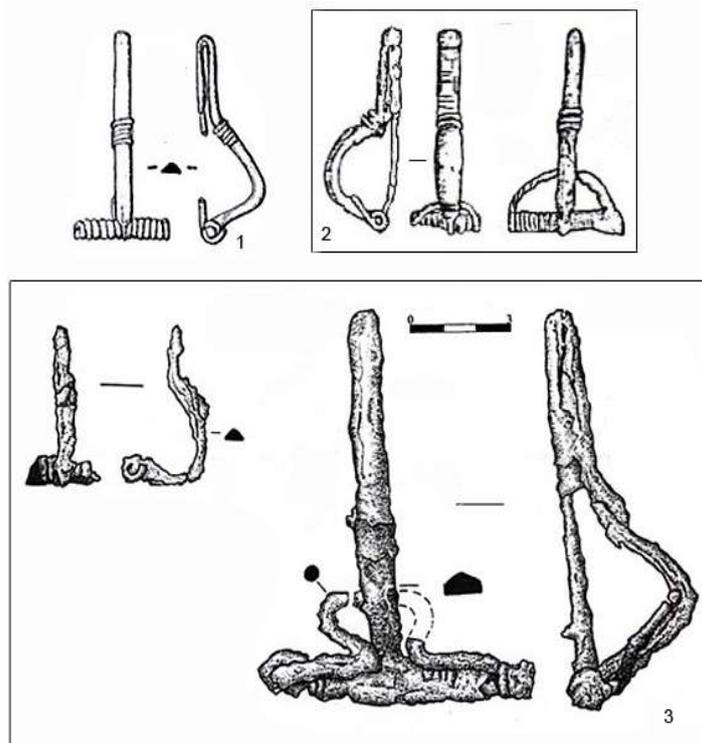

Рис. 1. Фибулы типа AVII,161: 1 — L-11B, L-14A, L-17 (с обломками двух однотипных фибул), L-21, L-22, L-30, L-60, L-176, L-236, L-238, L-239; 2 — L-12 (пара разнотипных фибул), L-14B, L-57, L-205; 3 — L-190 (здесь и ниже изображения фибул взяты из отчётов, сноски на которые представлены в Каталоге).

На протяжении IV в. самым популярным для населения окрестностей могильника Lauth/Б. Исаково типом фибул являлся тип AVII,161 (рис. 9). Характерной особенностью этих фибул является практически прямоугольный профиль загиба её дужки (рис. 2). Последняя изготавливалась как из бронзового (реже — железного) дрота, так и из плоской в сечении полосы. Стержни пружины у данных фибул в ряде случаев были изготовлены из железа, что не способствовало сохранности фибул. При этом они в основном не имели следов пребывания на погребальном костре и очевидно, возлагались в могилу после кремации останков умершего (вместе с его одеждой?). Фибулы данного типа на могильнике Lauth/Б. Исаково представлены в могилах

единичными экземплярами и нередко встречаются с железными бубенчиками. Последние являются элементом женского убора в древностях эстив фазы С₂ [7, с. 36]. Как правило, фибулы типа AVII,161 встречены в урновых трупосождениях.

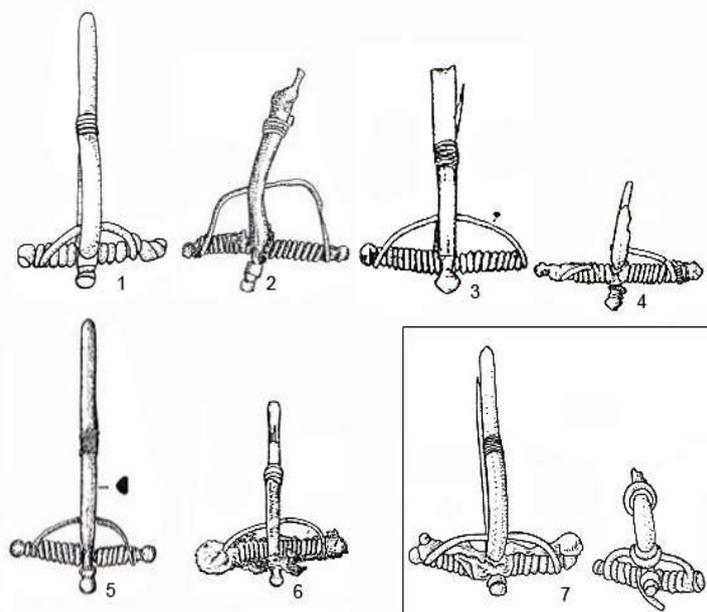

Рис. 2. Фибулы типа AVII,163: 1 — L-243 (пара фибул); 2 — L-10; 3 — L-37 (пара фибул); 4 — L-28 (пара фибул); 5 — L-11C; 6 — L-51 (пара фибул); 7 — L-241.

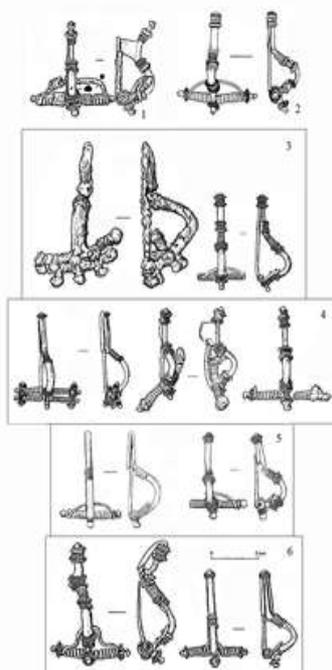

Рис. 3. Фибулы типа AVII,167: 1 — L-44 (пара фибул типа AIX,211, третья фибула — AVII,167), L-181; 2 — L-152, L-11A, L-55, L-155, L-180; 3 — L-26 (пара разнотипных фибул); 4 — L-40 (три фибулы); 5 — L-196 (пара разнотипных фибул); 6 — L-53 (пара разнотипных фибул).

Фибулы типа AVII,167 (13 экз.) хронологически полностью совпадают на могильнике Lauth/Б. Исаково с описанными выше фибулами типов AVII,161 и AVII,163 (рис. 9). Наличие у фибул типа AVII,167 третьей «кнопки» (рис. 3) показывает их генетическую связь с фибулами типа AVII,163. Такая «кнопка» появляется в низовьях р. Рейн на фазе В_{1а} у фибул типа AI,22a [17] и встречается на застёжках различных типов, использовавшихся народами *Varbaricum* до нач. VII в. Обнаружение такой фибулы в погр. L-11A вместе с парой перекладчатых застёжек свидетельствуют в пользу того, что фибулы типа AVII,167 появились в Балтии не ранее фазы С_{1а} [18]. В четырёх случаях на могильнике Lauth/Б. Исаково фибулы типа AVII,167 встречаются в паре с застёжками иных типов. Как вариант трактовки этого феномена можно полагать применение этих пар застёжек в уборе женщин, крепивших края верхней и нижней одежды одиночными фибулами [7, с. 36]. При этом фибулы более престижного (с точки зрения их владелицы) крепились на верхнюю одежду.

Фибулы типа Å3 (рис. 4) в комплексах могильника Lauth/Б. Исаково датируются преимущественно в рамках ок. 325 — ок. 375 гг. Между бытованием этих фибул и периодом использования выше описанной группы из трёх застёжек имеется временной хиатус примерно в 25 лет (рис. 9), что является, скорее всего, свидетельством несовершенства методики археологической датировки. Изредка фибулы типа Å3 доживают до кон. IV в. (рис. 9).

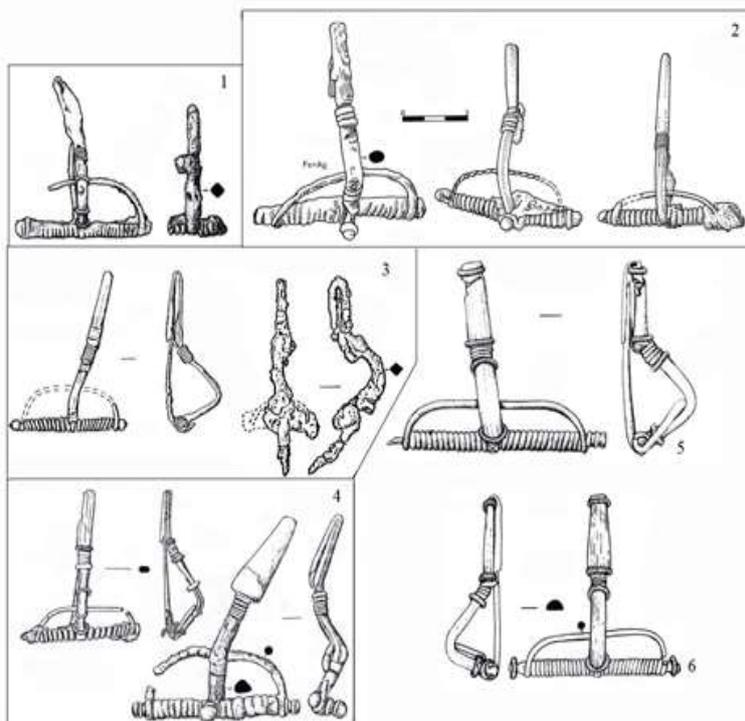

Рис. 4. Фибулы типа Å3: 1 — L-197 (пара разнотипных фибул); 2 — L-207b (пара фибул, третья — другого типа, первая фибула — железная, покрыта серебром); 3 — L-29 (пара разнотипных фибул); 4 — L-23 (пара фибул); 5 — L-192; 6 — L-158.

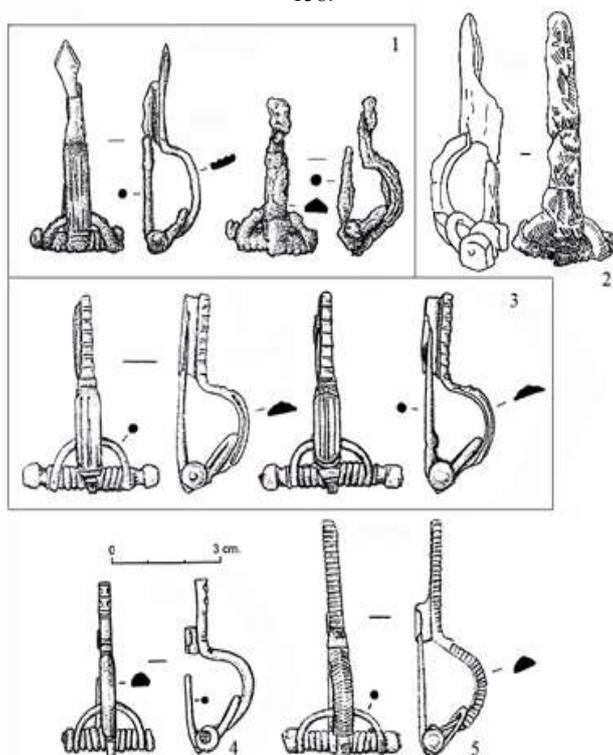

Рис. 5. Фибулы типов AVII,171 и Schönwarling: 1 — L-201 (пара фибул); 2 — L-228; 3 — L-182 (пара фибул); 4 — L-38; 5 — L-178.

Эти фибулы (в немецкой археологии именовались *große Armbrustfibeln* = *große ABF*) генетически восходят к фибулам типа Å2 (AIX,211), которые начинают производиться прежде всего самбийскими мастерами поздне римского времени и сосуществуют на Янтарном берегу в IV в. с застёжками типа AVII,168

[15, с. 41, 42]. Фибулы типа A_3 фазы C_2/D_1 характеризуются спинкой, загнутой под углом в 90° . Фибулы фазы D_2 имеют дугообразно загнутую спинку [16, с. 290]. Застёжки с кольцевой гарнитурой на ножке восходят к фибулам «лебяжьинской серии» и могли быть занесены в юго-восточную Балтию кочевавшими группами пшеворских мастеров после окончания Готских войн [3, с. 41]. Из 8 фибул типа A_3 , представленных в нашем Каталоге, фибулы в четырёх комплексах представлены попарно, но — разнотипно, присутствуя в составе инвентаря в основном с фибулами типа AVII,161.

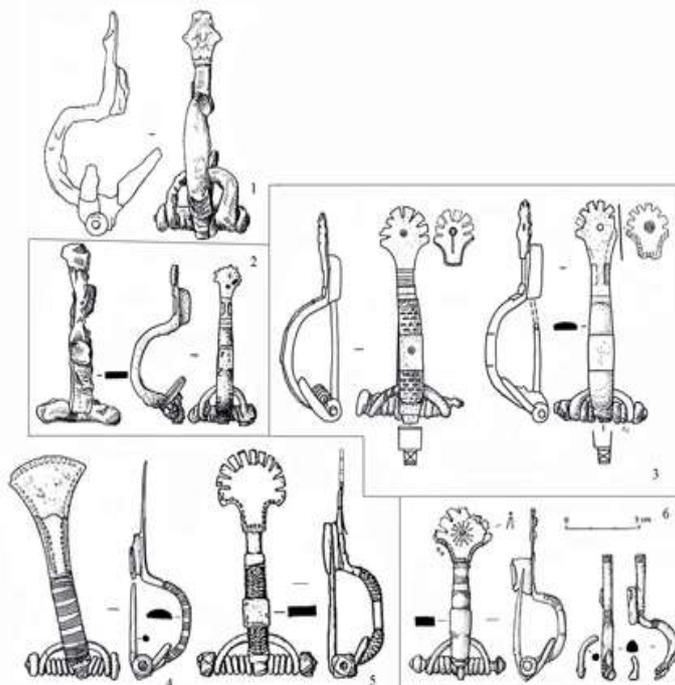

Рис. 6. Фибулы типа Bitner-Wróblewska 2: 1 — L-231; 2 — L-209 (пара фибул); 3 — L-206 (пара фибул); 4 — L-48; 5 — L-46; 6 — L-20 (пара разнотипных фибул).

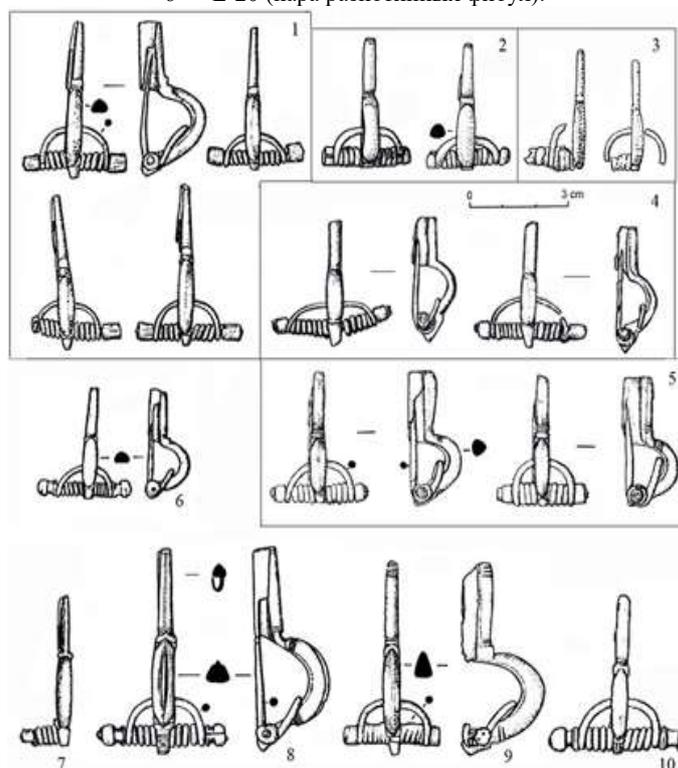

Рис. 7. Фибулы post-Durátón (тип K1): 1 — L-61 (две пары фибул); 2 — L-208 (пара фибул); 3 — L-253 (пара фибул); 4 — L-56 (пара фибул); 5 — L-43 (пара фибул); 6 — L-35; 7 — L-15; 8 — L-34; 9 — L-41; 10 — L-52.

Можно предполагать, что фибулы große ABF при своих значительных параметрах служили застёжкой плаща, а маленькая арбалетовидная фибула менее репрезентативного вида крепила детали нижней одежды (как и в случае с фибулами типа AVII,167 — см. выше). Примечателен факт одиночной представленности массива фибул große ABF в пределах IV в. на могильнике Lauth/Б. Исаково. Если ранее, в III в. одновременно

жителями окрестностей могильника использовались три типа застёжек, то в IV в. ими применялась (в погребальных церемониях ?) только фибула крупных размеров типа Å3. В некоторых погребениях могильника Lauth/Б. Исаково эти фибулы встречаются с фибулами-дериватами типа AVII,161, снабжёнными широкими пружинами и тетивой. Это указывает как на доживание этих дериватов до примерно сер. IV в., так и на генетическую связь их и застёжек типа Å3. Обращает на себя внимание начало использования на этих застёжках серебряной плакировки по бронзовой ножке фибулы, что является, очевидно, показателем расширения объёмов янтарной торговли в IV в. Самбийские мастера пытались придать фибулам типа Å3 эксклюзивный вид, для чего иногда накладывали на ножку фибулы декоративную языковидную пластину (рис. 4), генетически связанную с аналогичными пластинами на ножках фибул отдела Monströse [19].

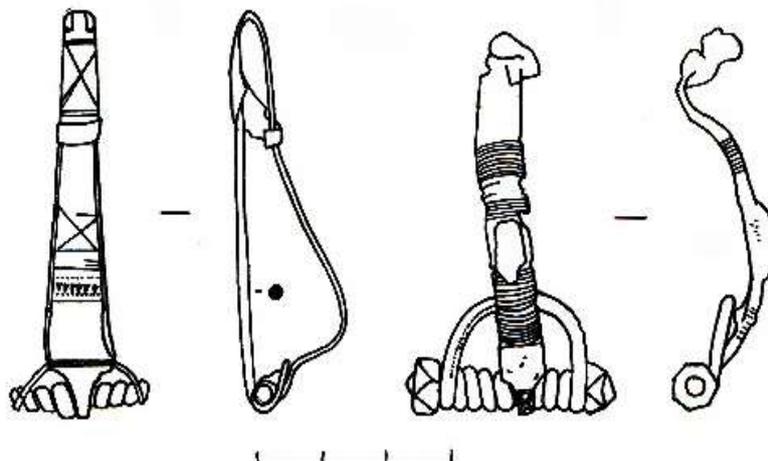

Рис. 8. Фибулы из L-27: слева — переходная форма между застёжками вар. Амброз 3 и фибулами типа Wiesbaden, справа — дериват типа Bitner-Wróblewska 2.

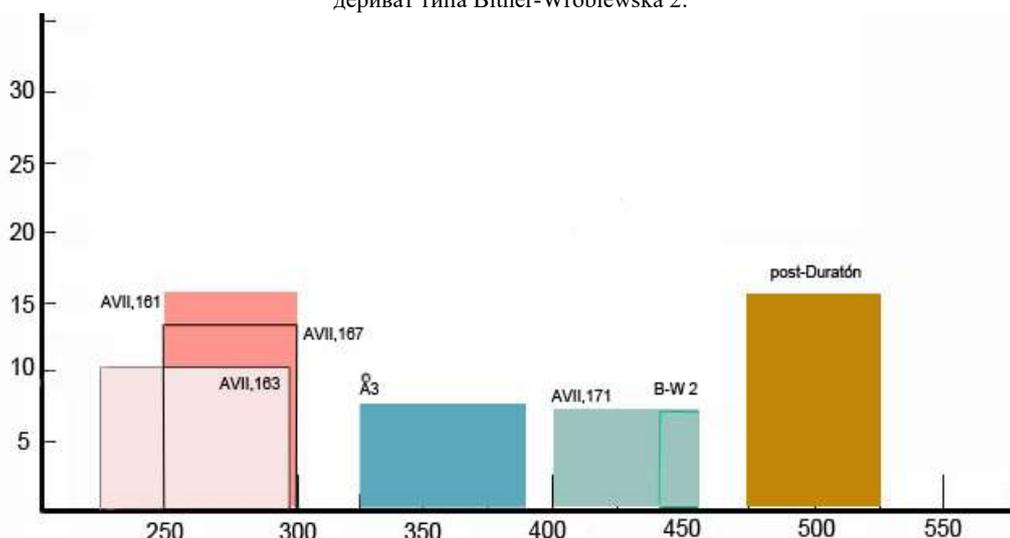

Рис. 9. График распределения типов фибул могильника Lauth / Б. Исаково по хронологической шкале.

Незначительна представленность в материале могильника Lauth/Б. Исаково фибул типа AVII,171 (5 экз), отличающихся рифлёной ножкой и являющихся в балтской среде вельбарским «импортом». В немецкой археологической литературе такие фибулы именуются die Raupenfibeln («гусеницевидная фибула»). Застёжки указанных типов генетически связаны с провинциально-римскими фибулами типа AV,123, обладавшими в ряде случаев рифлёной ножкой [3, с. 41, рис. 4]. Застёжки типа AVII,171 и конструктивно связанные с ними фибулы типа Schönwarling (рис. 5) немногочисленны и представлены в комплексах первых трёх четвертей V в. н.э. (рис. 9). Указанные фибулы присутствуют в могилах в основном поодиночке и соответствуют, судя по сопутствующему инвентарю, с мужским инвентарём.

На завершающем этапе присутствия фибул типа AVII,171 в материале могильника Lauth/Б. Исаково в погребениях этого могильника появляются фибулы со звёздчатой ножкой типа Bitner-Wróblewska 2 (рис. 5). Их незначительное количество (7 экз.) соответствует такому же числу находок на изучаемом могильнике фибул типов Å3 и AVII,171 (рис. 9). Более того, из погребений этого могильника фибулы типов AVII,171 и Bitner-Wróblewska 2 исчезают одновременно, что указывает на использование их, скорее всего, одной группой (или родственными группами/семьями) населения окрестностей могильника Lauth/Б. Исаково, сошедшей в первой четверти V в. с исторической арены. Тот же феномен отражён концом использования более ранних фибул

типов AVII,161, AVII,163 и AVII,167 (рис. 9). Фибулы типа Bitner-Wróblewska 2 равномерно распределены между мужскими и женскими комплексами. В первых они взаимовстречаются с ножами-кинжалами и наконечниками копий. В комплексах обоих гендерных групп данные фибулы находятся вместе с янтарными бусинами, точёными на токарном станке. В погр. L-20 фибула типа Bitner-Wróblewska 2 сопровождается обломками фибулы-деривата типа AVII,171, что, очевидно, подразумевает несколько более позднюю относительно фибул с рифлёной ножкой дату завершения существования фибул со звёздчатой ножкой.

К IV в. относится находка обломков пары фибул (точнее — их дериватов) с луковичными навершиями из погр. L-25 (ок. 360–400 гг. н.э. — [20]), редких для древностей балтов.

Последний массив арбалетовидных фибул в погребениях могильника Lauth/Б. Исаково представлен застёжками типа post-Durátón, начитывающих в нашем Каталоге 15 экз. (рис. 7) и отличающихся высокой степенью стандартизации. Их прототип — фибулы типа Durátón, представляющие собой литую трёхчастную (корпус, стержень пружины и игла с дугой/«тетивой») модель застёжки с коротким иглоприёмником — встречается в позднегуннское время в Западной Европе и трактуется как показатель самбийского и вельбарского этно-культурного влияния на общество западных германцев [16, с. 292]. Застёжка типа Durátón имеется в составе инвентаря погр. L-38 (рис. 5), Этот тип застёжек, в свою очередь, является формой развития фибул типа Schönwarling, своим происхождением связанным с вельбарскими древностями. Считается, что фибулы типа Durátón (в отличие от их дериватов post-Durátón, неизвестных в германском мире) в основном поступали к германцам в виде матримониального «импорта», с балтскими невестами [6, с. 203, 204]. Тем самым (а также присутствием в Европе прочих типов фибул балтского происхождения) делается неактуальным недавнее заявления ряда вильнюсских коллег о якобы отсутствии показателей появления западнобалтского элемента на западе континента в гуннское время [21]. Если у фибул типа Durátón литой иглоприёмник короткий, ножка снабжена двумя горизонтальными прорезными линиями (изредка — прорезным косым крестом), то фибулы типа post-Durátón (их количество на могильнике Lauth/Б. Исаково — 15 экз. — рис. 9) имеют иглоприёмник по всю длину ножки и одиночный горизонтальный пропи́л на ножке (рис. 7). Половина находок фибул типа post-Durátón встречена в женских комплексах, половина — в мужских, не различаясь при этом своими размерами. Сохранность этих фибул образцовая, что говорит об их возложении (вместе с одеждой покойного ?) в могилу, минуя погребальный костёр. Фибулы типа post-Durátón — последние в комплексах могильника Lauth/Б. Исаково представители отдела арбалетовидных фибул. В комплексах вместе с ними обнаружены вотивные копии гривен и браслетов. Погребения с более поздним фибульным материалом (например — с фибулами типа K2, с поперечным расширением на конце ножки) на исследуемом могильнике отсутствуют.

Итак, проведённый анализ арбалетовидных фибул, найденных при раскопках грунтового могильника Lauth/Б. Исаково, позволяет сделать следующие выводы:

1. Двучленные подвязные фибулы, именуемые «арбалетовидными», появляются сразу одновременно в виде трёх типов у населения округа могильника Lauth/Б. Исаково во второй четверти III в. н.э. Учитывая их связь с германскими древностями, следует связать их появление в изучаемом микрорегионе Самбии как результат присутствия групп вельбарского (шире — древнегерманского) населения в среде эстиев. Очевидно, это связано с перемещением групп германцев по берегам Балтики после завершения Маркоманских войн, в том числе - с появлением на Янтарном берегу скандинавов [22]. Поступление фибул из римских провинций в Балтию в обмен на янтарь к этому времени (между Маркоманскими и Готскими войнами) прекращается ввиду обострения конфликта между населением Римской Империи и Barbaricum.

2. Характерные для материалов IV в., фибулы типа A3 являются результатом творческой переработки германских образцов местными ювелирами. Обращает на себя внимание стремление этих мастеров создать эксклюзивные и престижные застёжки, что достигалось постепенным увеличением их параметров и применением серебряной фольги при декорировании ножки фибул. Они были элементом преимущественно мужского убора.

3. V в. с самого своего начала был отмечен для комплексов могильника Lauth/Б. Исаково распространением восходящих к вельбарской традиции фибул с гусеницевидной ножкой, и их дериватов, именуемых в археологии фибулами типа Schönwarling. На завершающем этапе их использования, в третьей четверти V в. в комплексах могильника появляются фибулы со звёздчатой ножкой. Мастерами юго-восточной Балтии они производятся с фазы C₂/D₁ [23] и восходят к скандинавской традиции. Эти артефакты лишь через примерно 50 лет после начала изготовления в Балтии появляются в обиходе населения округа могильника Lauth/Б. Исаково.

4. Разнообразие фибул позднеримского периода и эпохи Великого переселения народов, ставшее результатом взаимодействия на Янтарном берегу и на Самбии различных по этно-культурному происхождению групп населения, завершается в кон. V в. н.э., на начальной фазе формирования прусской археологической культуры. Единообразие фибульного материала должно манифестировать сложение в Янтарном крае монолитной этно-культурной общности. Как для женских, так и для мужских уборов ювелиры изготавливают стандартные фибулы типа post-Durátón, распространённые преимущественно в юго-восточной Балтии. На них завершается многовековая традиция использования населением западной окраины балтского мира арбалетовидных фибул. В ареале куршей, известных своей приверженностью к традициям, литые реплики этих застёжек используются вплоть до эпохи викингов.

1. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. САИ, вып. Д1-30. М.: «Наука», 1966. С. 57-72.
2. Кулаков В.И. Сокровища Янтарного края. Показатели инкультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I—IV вв. н.э. Калининград: «Калининградская книга», 2016. С. 58.
3. Кулаков В.И. Подвязные фибулы в юго-восточной Балтии // Российская археология. 2005. № 1. С. 37-49.
4. Кулаков В.И. Исследование памятников археологии первой половины I тысячелетия н.э. в Калининградской области в 1946—2010 гг. // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. Olsztyn, 2012. № 1. С. 96.
5. Skvorzov K. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'soe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 // *Offa*. Bd. 61/62. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2007. S. 120, 121.
6. Казанский М.М. Арбалетные фибулы эпохи переселения народов в Южной Галлии и «северный след» // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 39. СПб: Издательство Гос. Эрмитажа, 2013. С. 204.
7. Кулаков В.И. Реконструкция убора обитателей Янтарного берега в I—V вв. н.э. Киев: ФОП «Видавец Олег Филлок», 2013. Рис. 48.
8. Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н. Отчёт об охранных раскопках, проведённых Натангийским отрядом БАЭ ИА РАН на могильнике Б. Исаково-Лаут в 2000 году. № 24732.
9. Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н. Отчёт по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут-Б. Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2002 г. № 25795.
10. Хомякова О.А. Комплекс женских украшений из могильника Большое Исаково-Lauth // Российская археология. 2007. № 3. С. 69, 70.
11. Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н. Отчёт по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут-Б. Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2003 г. № 25796.
12. Хомякова О.А. Генезис пластинчатых браслетов с гребешками в раннем железном веке // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2012. С. 256, 257.
13. Архив ИА РАН. Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н. Отчёт по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут-Б. Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2004 г. № 25797.
14. Архив ИА РАН. Р-1. Скворцов К.Н. (Отчёт о работах) в г. Калининграде (на участке строительства коллектора от ул. Партизанской до ул. Горького) и могильника Лаут-Большое Исаково в Гурьевском районе в 2005 г. № 00898 (форма № 4).
15. Кулаков В.И. Фибулы Балтии с кольцевой гарнитурой из архива копий Центрального Римско-Германского музея (Майнц) // Российская археология. 2005. № 3. С. 124.
16. Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М.: «Индрик», 2003. С. 289.
17. Völling T. Die Fibeln Almgren Fig. 2, 18 und 22 // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Bd. 5. Wünsdorf: Verlag Brandenburgisches Landesmuseum, 1998. S. 47, 48.
18. Хомякова О.А. Стиль кольцевого декора в материалах самбийско-натангийской культуры позднеримского периода // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб: Нестор-история, 2010. С. 135.
19. Кулаков В.И. «Чудовищные» фибулы в Балтии // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб: Нестор-история, 2010. С. 123.
20. Кулаков В.И. «Варварские» подражания провинциально-римским фибулам с «кнопками» в Балтии на фазах C1-D1 // *Archaeologia Lituana*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2006. Vol. 7. С. 71.
21. Лухтанас А., Полянас О.В. Галинды на просторах Европы — археологическая, историческая, лингвистическая реальность или вымысел? // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб: ИИМК, 2019. № 19. С. 133, 134.
22. Кулаков В.И. Начало готского пути в Восточную Европу // Записки ИИМА РАН. СПб: Институт истории материальной культуры РАН, 2018. № 18. С. 91.
23. Кулаков В.И. Соляренный элемент в орнаменте эстив / пруссов // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология. История. Этнография. Книга (ММХV) II. Зимовники, 2015. С. 119.

References

1. Ambroz A.K. Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR [Brooches of the European part of the USSR]. SAI, iss. D1-30. Moscow, 1966, pp. 57-72.
2. Kulakov V.I. Sokrovishcha Yantarnogo kraya. Pokazateli inokul'turnykh vliyaniy na drevnosti Sambii i Natangii v I—IV vv. n.e. [Treasures of the Amber region. Indicators of external cultural influences on the ancient heritage of Sambia and Natangia in the 1st-4th centuries]. Kaliningrad, 2016, p. 58.
3. Kulakov V.I. Podvyaznyye fibuly v yugo-vostochnoy Baltii [La Tène fibulae in the South-Eastern Baltic zone]. Rossiyskaya arkheologiya, 2005, no. 1, pp. 37-49.
4. Kulakov V.I. Issledovanie pamyatnikov arkheologii pervoy poloviny I tysyacheletiya n.e. v Kaliningradskoy oblasti v 1946—2010 gg. [Researches of monuments of archeology of the first half of the I millennium AD in the Kaliningrad region in 1946-2010]. *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. Olsztyn, 2012, no. 1, p. 96.
5. Skvorzov K. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'soe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999. *Offa*, Bd. 61/62. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2007, pp. 120, 121.
6. Kazanskiy M.M. Arbaletnye fibuly epokhi pereseleniya narodov v Yuzhnoy Gallii i "severnny sled" [Crossbow fibulae of the era of the Great Migration of Peoples in South Gallia and 'northern trace']. *Arkheologicheskii sbornik Gos. Ermitazha*, iss. 39. Saint Petersburg, 2013, p. 204.
7. Kulakov V.I. Rekonstruktsiya ubora obitateley Yantarnogo berega v I—V vv. n.e. [Reconstruction of the outfit of Amber Coast dwellers in the I-V centuries AD]. Kiev, 2013, pic. 48.
8. Arkhiv IA RAN. F. 1, R. 1. Skvortsov K.N. Otchet ob okhrannykh raskopkakh, provedennykh Natangiyskim otryadom BAE IA RAN na mogil'nike B. Isakovo-Laut v 2000 godu [Archive of IA RAS. F. 1, R. 1. Skvortsov K.N. Report on rescue excavations conducted by Natangian group of BAE I A RAS at burial ground B. Isakovo-Lauth in 2000]. No. 24732.
9. Arkhiv IA RAN. F. 1, R. 1. Skvortsov K.N. Otchet po okhrannym raskopkam gruntovogo mogil'nika Laut-B. Isakovo Sambiysko-Natangiyskoy arkheologicheskoy ekspeditsiy v 2002 g. [Archive of IA RAS. F. 1, R. 1. Skvortsov K.N. Report on rescue excavations conducted by Sambia-Natangian archaeological expedition at burial ground B. Isakovo-Lauth in 2002]. No. 25795.
10. Khomyakova O.A. Kompleks zhenskikh ukrasheniy iz mogil'nika Bol'shoie Isakovo-Lauth [Complex of ornaments from a female burial at Bolshoye Isakovo-Lauth cemetery]. Rossiyskaya arkheologiya, 2007, no. 3, pp. 69, 70.
11. Arkhiv IA RAN. F. 1, R. 1. Skvortsov K.N. Otchet po okhrannym raskopkam gruntovogo mogil'nika Laut-B. Isakovo Sambiysko-Natangiyskoy arkheologicheskoy ekspeditsiy v 2003 g. [Archive of IA RAS. F. 1, R. 1. Skvortsov K.N. Report on rescue excavations conducted by Sambia-Natangian archaeological expedition at burial ground B. Isakovo-Lauth in 2003]. No. 25796.
12. Khomyakova O.A. Genезis plastinchatykh brasletov s grebeshkami v rannem zheleznom veke [Genesis of plate comb-shaped bracelets in

- the Early Iron Age]. Slavyane vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Saint Petersburg, 2012, pp. 256, 257.
13. Arkhiv IA RAN. F. 1, R. 1. Skvortsov K.N. Otchet po okhrannym raskopkam gruntovogo mogil'nika Laut-B. Isakovo Sambiysko-Natangiyskoy arkhеologicheskoy ekspeditsiy v 2004 g. [Archive of IA RAS. F. 1, R. 1. Skvortsov K.N. Report on rescue excavations conducted by Sambia-Natangian archaeological expedition at burial ground B. Isakovo-Lauth in 2004]. No.25797.
 14. Arkhiv IA RAN. R. 1. Skvortsov K.N. (Otchet o rabotakh) v g. Kaliningrade (na uchastke stroitel'stva kollektora ot ul. Partizanskoj do ul. Gor'kogo) i mogil'nika Laut-Bol'shoe Isakovo v Gur'evskom rayone v 2005 g. [Skvortsov K.N. (Report on work performed) in Kaliningrad (on the construction site of the collector from Partizanskaya Street to Gorky Street) and Lauth-Bolshoe Isakovo cemetery in Guryevsky District in 2005]. No. 00898 (Form no. 4).
 15. Kulakov V.I. Fibuly Baltii s kol'tsevoy garnituroy iz arkhiva kopiy Tsentral'nogo Rimsko-Germanskogo muzeya (Maynts) [Baltic fibulae with a ring font from archive of copies of the Central Roman German museum (Mainz)]. Rossiyskaya arkhеologiya, 2005, no. 3, p. 124.
 16. Kulakov V.I. Istoriya Prussii do 1283 g. [History of Prussia until 1283]. Moscow, 2003, p. 289.
 17. Völling T. Die Fibeln Almgren Fig. 2, 18 und 22. 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg, Bd. 5. Wünsdorf: Verlag Brandenburgisches Landesmuseum, 1998, pp. 47, 48.
 18. Khomyakova O.A. Stil' kol'tsevoego dekora v materialakh sambiysko-natangiyskoy kul'tury pozdnerimskogo perioda [Artefacts decorated in Ringgarnitur style in Late Roman Sambia-Natangian culture]. Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki. Saint Petersburg, 2010, p. 135.
 19. Kulakov V.I. "Chudovishchnye" fibuly v Baltii [Monströse fibulae in the Baltic]. Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki. Saint Petersburg, 2010, p. 123.
 20. Kulakov V.I. "Varvarskie" podrazhaniya provintsial'no-rimskim fibulam s "knopkami" v Baltii na fazakh C1-D1 ['Barbarous' imitations the provincial-Roman fibulae with 'buttons' on phases C1 and D1]. Archaeologia Lituana. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2006, vol. 7, p. 71.
 21. Lukhtanas A., Polyakov O.V. Galindy na prostorakh Evropy — arkhеologicheskaya, istoricheskaya, lingvisticheskaya real'nost' ili vymysel? [Galindans on the expanses of Europe — archaeological, historical, linguistic reality or fiction?]. Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury RAN. Saint Petersburg, 2019, no. 19, pp. 133, 134.
 22. Kulakov V.I. Nachalo got'skogo puti v Vostochnuyu Evropu [The beginning of the Gothic movement to Eastern Europe]. Zapiski IMA RAN. Saint Petersburg, 2018, no. 18, p. 91.
 23. Kulakov V.I. Solyarnyy element v ornamente estiev / prussov [Solar element in ornament of the Aestii / the Prussians]. Shtrikhi k portretam minuvshikh epokh. Arkhеologiya. Istoriya. Etnografiya. Kniga (MMXV) II. Zimovniki, 2015, p. 119.

Kulakov V.I. Crossbow brooches discovered during excavations of the burial ground Lauth / B.Isakovo (eastern outskirts of Kaliningrad) in 1998—2005. For the first time in domestic science, the article considers two and three-part brooches discovered during excavations at one of the Roman burial grounds on the border of Barbaricum and Sarmatia. The analysis of brooches carried out in the article allows us to draw the following conclusions: 1. Two-membered garter brooches appear immediately simultaneously in the form of three types in the population of the Region of the burial ground Lauth / B. Isakovo in the second quarter of the 3rd century AD. Given their connection with German antiquities, their appearance in the studied microregion of Sambia should be related as a result of the presence of groups of the Vielbark (more broadly — Old German) population among Aestii. 2. Characteristic for IV century materials, brooches of type Å3 are the result of creative processing of Germanic samples by local jewelers. 3. V century from the very beginning it was noted for the complexes of the burial ground Lauth / B.Isakovo spreading crawler-shaped brooches dating back to the Vielbark tradition, and their derivatives, referred to in archeology as brooches of the Schönwarling type. At the final stage of their use, in the third quarter of the fifth century. Brooches with a stellate pedicle appear in the complexes of the burial ground. 4. The variety of brooches of the late Roman period and the era of the Great Migration of Peoples, which was the result of the interaction on the Amber Coast and on Sambia of different ethnic and cultural groups of the population, ends in the end. V century BC, in the initial phase of the formation of the Prussian archaeological culture. The uniformity of the fibular material should manifest the addition in the Amber region of a monolithic ethno-cultural community.

Keywords: Baltic, era of Roman influence and the Great Migration, Aestii, Prussians, brooch.

Сведения об авторе. Владимир Иванович Кулаков — доктор исторических наук (археология — 07.00.06); Институт археологии РАН; ORCID: 0000-0001-7482-5070; drkulakov@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.02.2020. Принята к публикации 25.02.2020.